

Главным противоречием процесса глобализации экономист Кастельс считает противоречие между сетью и идентичностью (*self*), сетью и «Я». Проблема может быть разрешена поиском новых идентичностей, но на этом пути могут создаваться и искусственные конструкции типа «Аум Синрике» и других сект, где нехватка исторически сложившихся типов идентичности подменяется причудливыми, странными и опасными конгломератами сознания.

Гендерный подход в социальной философии рассматривает гендер как социальный пол, в силу этого социально сконструированные отношения могут быть представлены как неравенства по признаку пола. Проблема исследования феномена гендерной идентичности представляет значительный философский интерес в первую очередь потому, что развитие данного феномена отражает стремительные общественные изменения, некоторые общецивилизационные тенденции [4; с. 2].

Литература

1. *Giddens, A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. — Cambridge, 1991. — 366 p.*
2. *Archer, M.S. Sociology for One World: Unity and Diversity / M.S. Archer // International Sociology. — 1991. — V. 6. — 675 p.*
3. *Кастельс, М. Информационная эпоха / М. Кастельс // Экономика, общество и культура. — М., 2000. — 321 с.*
4. *Бородуля, А.А. Социально-философские основания феномена гендерной идентичности: автореф ... дис. канд. филос. наук: 09.00.11 / А.А. Бородуля; Бел. гос. ун-т. — Минск, 2005. — 20 с.*

*П. Валаг, д-р экономики
Опольский университет (Польша)*

СТРУКТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

Концепция эволюции экономической системы предполагает изменения в структуре занятости и производства. В соответствии с классической теорией трех секторов К. Кларка, А. Фишера и Ж. Фурастье [2, р. 492; 3, р. 56; 4, р. 192], а также первичными моделями Роуторна и Валса [6], исследованиями Баумоля, Блэкмана, Вольфа [1] изменения структуры экономики происходят за счет технологического прогресса, способствующего росту доходов на душу населения, что в результате действия закона Энгеля приводит к изменениям в структуре потребления. А. Фишер отметил: «Если общество может использовать эффекты технического и экономического прогресса, то в динамичной экономике должен происходить постоянный трансфер факторов производства наиболее эффективным способом под угрозой наступления экономических кризисов» [3, р. 75].

В любой динамично развивающейся экономике сдерживание или неправильный трансфер факторов производства приводит к экономическим кризисам, вследствие недостатка дезинвестиций и инвестиций в соответствующих секторах [7, р. 125]. То есть происходит реструктуризация экономики, которую можно представить как процесс креативной деструкции, которая встроена в рыночную экономику, а ее отсутствие приводит к усилению дифференциации доходов.

Эффективный трансфер факторов производства для стабильного экономического роста при полной занятости на этапе дезиндустриализации и сервисизации экономики требует снижения цен на промышленные товары и роста цен на услуги, что и приводит к закономерной трансформации структуры экономики и структуры распределения доходов в обществе.

Индексы цен отражают отношение изменения спроса к изменению производительности, т.е. реального объема производства на одного работника при условии равенства предложения спросу. А если принять за единицу доход на душу, тогда цена будет равна отношению занятости к реальному объему производства [4, р. 192]. Следовательно, можно принять условие, что индексы цен отражают изменение отношения занятости к реальному объему производства.

В данной статье ставится гипотеза о том, что в динамичной экономике постоянный и эффективный трансфер факторов производства требует, чтобы цены формировались в соответствии со структурой экономики в конкурентных условиях. Когда цены выполняют все свои функции, тогда экономика развивается при полной занятости стабильно. Верификация гипотезы была проведена на основе анализа эмпирических изменений структуры польской экономики за 1995–2008 гг., когда происходила реструктуризация в условиях значительно большей динамики, чем эволюция высокоразвитых стран. Результаты исследования показали, что изменение индекса цен было обратным для промышленности и прямым для услуг, т.е. наблюдалось снижение цен в промышленности и увеличение производства и занятости, в то время как в услугах наблюдался рост цен, занятости и производства. Незначительное снижение цен в польской промышленности и увеличение занятости можно объяснить значительным ростом цен в секторе производства и распределения энергии, воды и пара, в секторе добывающих производств, особенно в секторе производства кокса и продуктов переработки нефти, где производительность труда не была высокой. В то же время снижение занятости в промышленности с наибольшей производительностью труда привело к недостаточному росту ВВП. Прямая зависимость между изменением цен и долей услуг в ВВП и занятости объясняется опережающим ростом спроса на услуги, под влиянием постоянно растущего дохода на душу населения, по сравнению с ростом производительности, что приводит, с одной стороны, к росту цен, а с другой — к росту производства и занятости (закон Бушля [5, р. 22]).

Трансформация польской экономики происходит не в соответствии с закономерностями эволюции развитых стран, наблюдается дуализм

деиндустриализации, когда должна была бы происходить активная индустриализация экономики, и проблемы безработицы и роста доходов не были бы столь актуальными.

Таким образом, цены являются хорошим индикатором состояния экономики и конъюнктуры любого рынка, особенно в конкурентных условиях. Регулирование экономики, в том числе при шоках (1970-х гг., 2008 г.), а также монополизация секторов и экономики искажают структуру экономики. Сдерживаемый или несоответствующий трансфер факторов производства в экономике является тормозом для долгосрочного сбалансированного роста экономики, понимаемого Л. Эрхардом как рост экономики при полной занятости, который элиминировал бы множество кризисов.

Литература

1. *Baumol, W.J. Productivity and American Leadership: the long view* / W.J. Baumol, E.N. Blackman, E.N. Wolff. — Cambridge: MIT Press, Massachusetts, 1989.
2. *Clark, C. The condition of economic progress* / C. Clark. — London: Macmillan, 1957. — 720 p.
3. *Fisher, A.G.B. Economic progress and social security* / A.G.B. Fisher. — London, 1945. — 362 p.
4. *Fourastie, J. Mysli przewodnie* / J. Fourastie. — Warszawa: PIW, 1972. — 245 p.
5. *Keynes, J.M. Ogólna teoria zatrudnienia, procentu i pieniądza* / J.M. Keynes. — Warszawa: PWN, 2003.
6. *Routhorn, R.E. Deindustrialization and foreign trade* / R.E. Rowthorn, J.R. Wells. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
7. *Thurow, L. The zero-sum society: Distribution and the Possibilities for Economic Change* / L. Thurow. — N.Y.: Basic Books, 1980. — 230 p.

*А.В. Ван-Илья, магистр экон. наук
БГУ (Минск)*

ПРОСТРАНСТВО ЭКОНОМИКИ КАК РАССЛОЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Пусть задано пространство экономики как некоторое евклидово пространство. Для каждой его точки определим набор чисел — вектор транспортных характеристик. Таким образом, мы в действительности определили некоторое *расслоенное пространство* [3, с. 380; 6, с. 23] с базой — физическим пространством, и слоями — векторными пространствами, характеризующими состояние транспортной инфраструктуры в каждой точке.

Состояние экономики в целом и в каждой отдельной точке зададим через три переменные: потребление, производство и торговля. Каждая